

С.П. Журавков, А.Л. Заика

(Красноярск, Красноярский государственный педагогический университет)

Образ медведя в наскальном искусстве Среднего Енисея и Ангары

В мировоззрении многих сибирских народов немаловажное, а в ряде случаев ведущее место, занимает образ медведя. По этой причине, на территории Северной Азии, получил распространение и сохранился до наших дней культ медведя, а также связанные с ним праздники.

Задача нашей работы состоит в том, чтобы проследить развитие данного образа в наскальном искусстве древнего населения Енисейского региона начиная с эпохи камня до этнографической современности, в контексте проблем, связанных с реконструкцией древних форм мировоззрения.

Изображение медведя встречается на широкой территории Северной Азии, что подтверждает распространенный тезис о его значимой роли в верованиях древних обитателей региона. Вместе с тем проведенный нами сюжетный анализ изобразительного материала писаниц и статистические подсчеты свидетельствуют о том, что узнаваемый образ медведя довольно редко присутствует в петроглифах, значительно уступая другим изображениям, в том числе рисункам иных представителей фауны, так, на Шалоболинской писанице, из более чем пятиста изображений, фигура медведя встречается только в 25-ти случаях, тогда как рисунков лосей, например, известно 156 (Пяткин, Мартынов, 1985, с. 102). На писаницах Суханихи (рис. 1, 2) и Тепсея можно выделить только четыре изображения медведя. В бассейне р. Мана фигур, напоминающих медведя выявлено только две, как и в петроглифах Нижней Ангары (рис. 1, 4)..

Аналогичная ситуация наблюдается в петроглифах сопредельных регионов. На Томской писанице, выявлена только одна зооморфная фигура, в которой узнается образ медведя. В Прибайкалье, на левом берегу реки Ангары, около д. Свирской (рис. 1, 3), А.П. Окладниковым зафиксировано лишь одно изображение животного, трактуемого им как медведь (Окладников, 1950, с. 284). В бассейне р. Алдан, выявлено только три изображения напоминающие медведя (А.П. Окладников, А.И. Мазин, 1979, с. 99, 126, 145). На писаницах р. Олекмы и Верхнего Приамурья найдено три медвежьих фигуры. (Окладников, Мазин, 1976, с. 159, 162, Кочмар, 1994, с. 70). На писанице Бырка, в Приаргунском районе Читинской обл. также обнаружена фигура медведя (Мазин, 1986, табл. 66). На писанице у Миллионного порога на р. Уде найдены только изображения медвежьих следов (рис. 1, 6) (Мельникова, 1996, с. 89-100).

Наибольшее количество изображений медведя в наскальном искусстве, по мнению многих исследователей, относится к эпохе неолита. Рисунки медведей отличаются реализмом, динамичностью, сравнительно крупными размерами, в композициях, как правило, противопоставлены фигурам копытных животных. В начальный период ранней бронзы на территории Среднего Енисея фигуры медведей еще вполне реалистичны (рис. 1, 1) и отличаются от неолитических лишь меньшими размерами (Леонтьев, 1997, с. 225). Позже медвежьих черты прослеживаются у фантастического животного, которое преследует знак-символ солнца (Пяткин, Мартынов, 1985, с. 125). По всей видимости, данная трансформация образа связана с развитием и, соответственно, видоизменениями содержательной части темы «космической охоты» в мировоззрении местных племен. Если в неолитических пред-

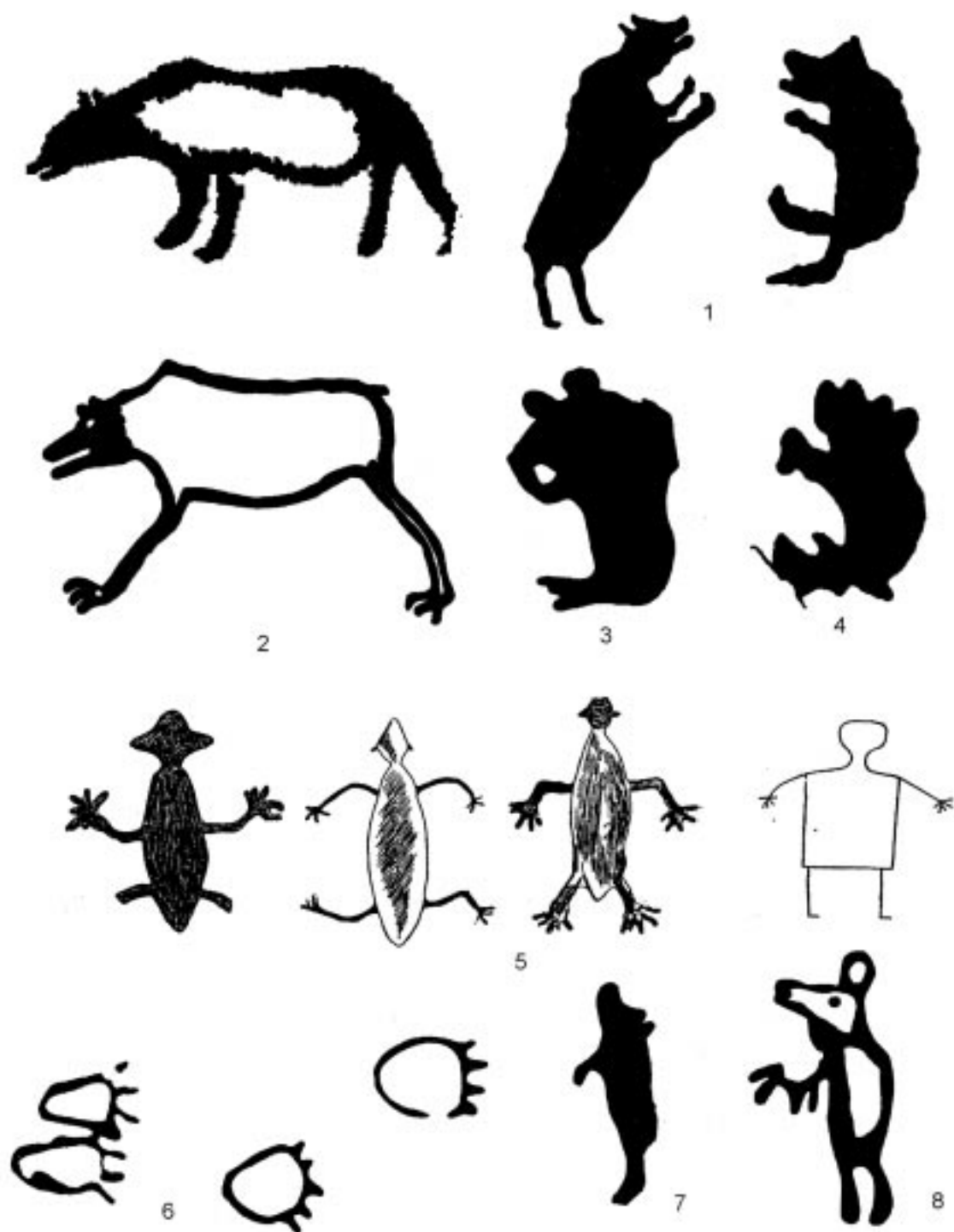

Рис. 1. Изображения медведей: 1- Шалоболинская писаница; 2- Писаница Суханиха; 3- Свирская писаница; 4- Писаница Манзя; 5- Кетские рисунки на бересте; 6- Писаницы Миллионного порога; 7- Писаница Тальма; 8- Писаница Мая.

ставлениях космогонического характера центральными персонажами в данном сюжете выступают реалистичные образы лося и медведя, то в эпоху ранней бронзы роль преследователя отводится фантастическому хищнику, а образ «космического» лося в петроглифах занимает символическое обозначение солнца.

Также необходимо отметить, что в ряде случаев в данный период образ медведя приобретает антропоморфные черты, что наблюдается на некоторых изваяниях Хакасско-Минусинской котловины и в петроглифах Восточной Сибири (Окладников, Мазин, 1979, с. 59, с. 126; Окладников, 1977, с. 32).

По всей видимости, это связано с развитием тотемистических воззрений, в которых медведь выступает в роли мифического предка, а также связанных с ним определенных форм охотничьей промысловой магии. По мнению многих исследователей, культ медведя и связанные с ним тотемистические представления, которые сохранились до этнографической современности у сибирских народов, своими корнями уходят в далекое прошлое. Б.А. Васильев, специально занимавшийся изучением медвежьего праздника, выделяет его наиболее древний «евразийско-американский» пласт, который характеризуется, наряду с другими обрядами, медвежьими танцами-пантомимами, имеющими своей целью «... как благоприятный исход охоты, так и размножение зверей...» (Васильев, 1948 с. 103). Подобные обряды есть проявление древних форм промысловой магии. У кетов, например, они сопровождались ритуальными действиями, во время которых охотник, подражая медведю, надевал маску из кожи, снятой с лобно-носовой части и губ медведя (Алексеев, 1960, с. 100). По всей видимости, данный обряд нашел отражение в наскальном искусстве эпохи ранней бронзы (рис. 1, 7,8).

В последующие периоды зооморфные образы с узнаваемыми чертами медведя в петроглифах не встречаются. Вместе с тем материалы жертвенников свидетельствуют о развитых формах культа медведя в эпоху раннего железного века – средневековья (Заика, 1999, с. 12). По нашему мнению, данная ситуация может объясняться: с одной стороны – табуированием реальных изображений медведя в наскальном искусстве; с другой – трансформацией формообразующих элементов образа, что может свидетельствовать о развитых формах тотемистических представлений. По этнографическим материалам изображения медведя выполненное на бересте имеют вид зоо-антропоморфных фигур, показанных в позе «лягушки» или «роженицы», или в виде антропоморфного изображения (рис. 1, 5). Вполне естественно, что многие исследователи трактовали подобные изображения в петроглифах по другим интерпретационным направлениям. Не останавливаясь на данном вопросе, мы можем сделать определенные выводы.

По всей видимости, медведь являясь одним из центральных персонажей древней мифологии в эпоху неолита утрачивает свои доминирующие позиции космогонического характера приобретая роль узколокального объекта культа, с которым были связаны тотемистические представления и элементы промысловой магии в период раннего железа – средневековья, что мы наблюдаем в наскальном искусстве Среднего Енисея и Нижней Ангары.